

УДК 821.161.1
ББК 84(4Рос)

Игорь Анатольевич Голованов,
доктор филологических наук, доцент,
Челябинский государственный педагогический университет
(Челябинск, Россия), e-mail: ligol@csu.ru

Художественный текст А. Платонова сквозь призму реальной и фольклорной истории

В статье раскрываются особенности соотношения реального и фольклорного хронотопов в художественном тексте А. Платонова. На примере рассказа «Иван Жох», в центре внимания которого находится пугачёвский бунт и феномен самозванства в русской истории, сопоставляются исторический и фольклорный контексты художественного произведения. Утверждается, что писатель – в отличие от своих предшественников – предпринял попытку образно-интуитивного осмысления царя и «народного заступника» через обращение к традиционным мифологическим схемам и мотивам. Делается вывод, что в рассказе развенчивается призрачность социально-утопических представлений народа о «далёкой земле». По мнению Платонова-художника, истинное обретение смысла исторического развития возможно лишь через обретение сознания: дорога к счастью лежит через ленинскую Москву, где строится общество социальной справедливости и гармонии.

Ключевые слова: А. Платонов, художественный текст, фольклорный мотив, русская история, хронотоп, социально-утопические представления народа, образ «царя-избавителя» и «народного заступника».

Igor Anatol'evich Golovanov,
Doctor of Philology, Associate Professor,
Chelyabinsk State Pedagogical University
(Chelyabinsk, Russia), e-mail: ligol@csu.ru

A. Platonov's Artistic Text through the Prism of Real and Folk History

The article reveals the features of correlation between the real and the folk art chronotopes in A. Platonov's artistic text. By the example of the story *Ivan Zhokh*, which focuses on Pugachev's riot and the phenomenon of imposture in the Russian history, historic and folklore art work contexts are being contrasted. It is stated that the writer has made an attempt of figurative-intuitive understanding of the tsar and the 'people's defender' through the appeal to traditional patterns and mythological motives. It is concluded that the story dethrones the illusiveness of socio-utopian views of the people of the 'distant land'. In Platonov's opinion, the true understanding of the meaning of historical development is possible only through finding consciousness: the road to happiness lies through Lenin's Moscow, where the true society of social justice and harmony is being built.

Keywords: A. Platonov, artistic text, folklore motive, Russian history, chronotope, socio-utopian views of the people, the image of the 'tsar-redeemer' and 'people's defender'.

Своеобразие соотношения реального и фольклорного хронотопов у Платонова наиболее наглядно предстаёт в рассказе «Иван Жох», в центре внимания которого находится народный бунт и феномен самозванства в русской истории. Первоначальный замысел был значителен – обратиться к пугачёвскому восстанию и на основе этого материала создать роман. Подготовка к роману велась целенаправленно, но в процессе работы писательский замысел трансформировался, и в итоге у Платонова вышел не роман, а лишь его фрагмент в форме рассказа. При этом в центре повествования – не «исторический» Емельян Пугачёв, а некий Иван Жох.

Отказ от образа Пугачёва в качестве центрального персонажа, помимо вероятных технических причин, скорее всего, имел концептуальный характер: наличие действующего героя без прямой отсылки к историческому прототипу, а точнее – к историческому имени, открывал перед писателем большую свободу для воплощения авторского замысла. И как бы ни было различным изображение народного восстания у Пушкина и Платонова, диалог последнего со своим великим предшественником, безусловно, вёлся на страницах рассказа «Иван Жох». В статье о творчестве А. Пушкина и Н. Островского, размышляя о двух различных эпохах, А. Платонов писал: «Целые страны и народы двигались во време-

ни, точно в сумраке, механически, будто в сновидении, меняя свои поколения, переживая и трагические периоды и периоды относительного спокойствия, но ни разу – вплоть до социалистической революции – не испытав коренного изменения своей судьбы» [5, с. 180]. Ещё ранее в статье «Пролетарская поэзия» (1922) Платонов сформулировал этот важный для себя принцип понимания истории и обретения истины: «Историю мы рассматриваем как путь от абстрактного к конкретному, от отвлечённости к реальности, от метафизики к физике, от хаоса к организации» [5, с. 44].

Хронотоп рассказа задан движением жизни героев от Москвы эпохи XVIII века до Москвы XX столетия. Географически это одна и та же точка, но семантические различия огромны. Неизменным в образе Москвы остаётся ценностный мир, который определяет доминанту места (идея столицы). Однако для А. Платонова важнее исторически обусловленная трансформация екатерининской Москвы, где «благочестия нету» [6, с. 67], в Москву Ленина – город, очаровавший героев «неимоверной жизнью, цветущей уже второй год» [6, с. 78]. Дорога к городу счастья и справедливости, «опоньской стране на Беловодье», в прежние эпохи истории России лежала через Урал, на восток, в неведомые края, где «богатые земли пустыми лежали» [6, с. 66]. Этот поиск опоньского (японского) царства, или страны Беловодья, вывел русских казаков-старообрядцев на берега Тихого океана. Мечты об идеальной земле породили в народе многочисленные легенды и предания об этих поисках и их результатах.

Имя героя рассказа, как и в других произведениях Платонова, значимо, наполнено смыслом. В словаре В. И. Даля рядом с нарицательным словом, от которого образовано прозвище, даётся следующее толкование: «Жехъ, жохъ м., тул. край, кромка, ребро, грань || *твр.* бранно: мужикъ, сѣрякъ, вахлакъ, смурый, чѣрный и грубый мужланъ || *арх.* шутч. старожилъ, родовичъ, коренной, природный житель. || *кал.* жуликъ, плуть, ворышка, карманникъ. || Тѣртый, бывалый, закалённый, опытный дока и наглый плут» [2, с. 536]. Как видим, в русском языковом сознании **жох** связан не только с топосом «края, предела», но и с представлениями об «опытности, бывалости» человека вплоть до таких особенностей его поведения, как наглость и

плутовство. Сравните комментарий к этому слову в толковых словарях XX века: «прост. о ловком в делах или прижимистом человеке» [9, с. 488]; «вероятно, связано с глаголом *жечь, жгу*, ср. *обжигать* ‘обманывать, обсчитывать’, *выжига* ‘плут, мошенник’» [10, с. 237]. Приведённые значения оказываются в разной степени актуализированными в рассказе: «он выходил похожим на крестьянина», глаза его «чёрные с притаённой хитрецой, в которых светился отменный характер» [6, с. 65]. В целом описание внешнего облика Ивана Жоха даётся в русле двух традиций – книжной и фольклорной. Его можно сравнить с летописным образом Никиты Кожемяки: «был он среднего роста» [4, с. 139] – или мужицким царём в «Истории Пугачёва» А. С. Пушкина: «Незнакомец был росту среднего, широкоплеч и худощав, чёрная борода его начинала седеть» [8, с. 25] (не менее выразительный и одновременно традиционный портрет будущего самозванца дан и в «Капитанской дочке»). Для нас важно подчеркнуть, что штрихи в описании исторического персонажа подчинены общему стремлению автора показать, что в русской истории до XX века не было вполне осознанного вектора движения, отсутствовали условия для коренного изменения несовершенства мира.

При первом появлении платоновского героя мы узнаём его истинное имя (Иван Прохоров) и цель – выяснить, не покарает ли царица «просочившихся людей» [6, с. 65]. После получения «разрешительной выписи» герой начинает свои странствия по Руси: «Думал он пробраться на Зауралье, – там богатые земли пустыми лежали, – чтобы основать целый раскольничий край». Так, постепенно в повествование входит традиционный легендарный мотив «далёкой земли» – Беловодья (см. [11]). Названный фольклорный мотив, отсылая читателя к поэтическому образу страны благополучия, всегда противопоставленному реальному положению дел, позволяет А. Платонову избежать подробной характеристики времени и места происходящих событий: «Народ же всюду говорил одно, что время беспокойное и скорбно чересчур» [6, с. 66]. Писатель передаёт ощущение запустения и безысходности, которое и рождает потребность в «избавителе». Фольклорный мотив возвращения избавителя, «народного заступника» дополнительно подкрепляется в тексте рассуждениями мужиков о том, что правит «не

истинный государь», а баба – «полчеловека всего» [6, с. 66]. Такова экспозиция рассказа. Дальнейшее развитие сюжета связано с развёртыванием темы царя-самозванца/разбойника. Эта тема в творчестве А. Платонова постепенно обретала определённые очертания. Так, в нескольких стихах из сборника «Голубая глубина», датированных 1921 годом, мы видим своеобразные поиски героя эпохи. В стихотворении «Небоверху голубое...» лирический герой соотносит своё внутреннее мироощущение и переживания с двуединым «царём и разбойником» [6, с. 473], а в стихотворении «Сказка» строки: *Мальчик вырос в атамана, Сжѣг деревню, мать-отца И ушѣл на лодках рано У земли искать конца* [6, с. 475] – предлагают ещё один вариант обретения героем своего предназначения («восстановление утраченной справедливости»). В этом также усматривается авторская отсылка к социально-утопическим представлениям русского народа, наиболее полно и глубоко отражённым в фольклорных легендах о «царе-избавителе» и «народном заступнике» (см. [11]).

Если у Пушкина в «Капитанской дочке» представлено максимально «историзованное» художественное исследование взаимоотношений народа и власти, народа и дворянства, то Платонов избирает совершенно другой путь – путь мифологизации, т. е. делает попытку образно-интуитивного осмысления «народного заступника», через обращение к традиционным мифологическим схемам. Особенности мифологического моделирования образа царя/народного заступника на материале фольклора, в частности уральских преданий и легенд, описаны достаточно подробно (см. [1; 3]). Народ, по Платонову, *возвышает* героя от неразвитости собственного сознания – и это ещё одна ключевая тема платоновской прозы 1920-х годов. Главный персонаж рассказа поддаётся на уговоры купцов изменить маршрут и отправиться на Яик, объявив себя государем Петром III: «...прими ты на себя это звание и поди к раскольникам на Яик. Обещай казакам вольность и свободу, и награждение по 12 рублей на человека <...>. Благодетеля ж нету в Москве – горит оно где-то в опоньской стране на Беловодье» [6, с. 67].

Важный этап конструирования образа царя/народного заступника связан с реализацией мотива узнавания. Иван Жох какое-то время «жил молча», но в определённый

момент решил реализовать задуманное. Эпизод узнавания решен в фольклорных традициях, с буквальным цитированием пушкинских и легендарных текстов: казачий староста Денис Пьяных «заметил у Жоха на теле какие-то знаки и щербинки от старых ран» [6, с. 69]. Сомнения и недоверие старосты очень быстро сменились верой в истинность государя: «после бани Пьяных просил прощения у Жоха за обращение с ним, как с простым человеком» [6, с. 69]. По законам устного народного творчества, мотив узнавания в рассказе троекратно: «Однажды Жох ходил по иргизскому базару и пробовал на возах рыбу за мякоть» [6, с. 69]. Через безымянные реплики на базарной площади Платонов передаёт многоголосицу мнений людских (царь – не царь, Пётр Фёдорович – поселенец): «Говорят, это царь будто! Рыбу щупает: постную пищу уважает!» – «Какой такой царь? У нас теперча царица! А Пётр Фёдорович, что на Яике жил – того в Москве нововерцы угомонили! Это не царь – эт так: хозяин-поселенец». – «Ну вот поселенец, тебе говорят царь! По обличью и хватке видать! Другой бы не осмелился рыбу даром щупать! А то вишь и цены не спрашивает, а прямо-таки берёт!» [6, с. 70]. Третий эпизод узнавания связан с мотивом испытания женщиной, после того как Жох перебрался в уральский посёлок Аушин: «Ежели он царь – его баба не возьмёт: он целому народу супротивиться может!» [6, с. 71]. И вновь возникающие сомнения отмечаются самим же народом: «Так он же царь – человек невероятный!»

Как и в народной прозе, дальнейшее повествование у Платонова опирается на традиции мифологического моделирования образа исторического персонажа – через осуществление им функций царя-«избавителя». Набор этих функций в фольклоре устойчив: одаривание («А я дарю моему народу всю землю и реки, соляные озёры, лесные гущи и старинную веру и прочую вольность» [6, с. 73]); военное предводительство («Впереди на донском жеребце ехал Жох – шапка красная, борода серебристая, очи мудрые, слово протяжное: степной русский царь» [6, с. 74]); мудрый суд (в эпизоде ухода за Урал, в Сибирь).

Вместе с тем воспроизведение традиционных мифо-фольклорных схем и моделей у Платонова не приводит к созданию идеального образа царя/народного заступника. Целый ряд деталей, сюжетных характери-

стик формирует в сознании читателя ощущение «ложности», «мнимости» героя, его целей и судьбы. Решение Ивана Жоха объявить себя государем не было естественным развитием его собственных духовных устремлений, а связано с потребностью использовать жизненную ситуацию: «Дай, – думал, – я себя жирной жизнью угощу – раз она обнаружилась!» [6, с. 72]. Введение в текст топонима *Аушин* вольно или невольно обращает читателей к теме «края, предела», странничества и первых русских землепроходцев, к освоению северо-восточных окраин России. Аушин в русской истории – название камчадальского селения, на месте которого в 1740 году возник Петропавловский острог (ныне Петропавловск-Камчатский). С ним были связаны первые попытки достичь восточного побережья Сибири и Тихого океана. В платоновской версии Аушин – это уже не тот «неведомый край земли», продвижение к которому может прибавить доблести и уважения, а важный элемент хронотопа, подчёркивающий несовпадение ожиданий раскольников и казаков: перед ними «герой», открывающий уже давно открытые дали. Этим образом Платонов подводит читателей к мысли, что истинное обретение смысла жизни возможно лишь через обретение сознания.

Есть ещё одна «червоточина», связанная с образом Ивана Жоха. Она открылась во время пребывания героя в раскольничьем Иргизе: «сведущий знахарь, попытает Жоха за живот, почуял, что в пузе у него завелась змея, которая ночью ползает и нахальничает по всему нутру» [6, с. 70]. Здесь реализован один из традиционных мифо-фольклорных мотивов – мотив змеи/червя, появление которого в творчестве Платонова не случайно. В одной из своих ранних статей писатель утверждает: «человек вышел из червя» [7, с. 88], и этот тезис явно восходит к библейскому источнику: «Тем менее человек, [который] есть червь...» (Иов. 25, 6). Очевидно, что в Библии человек сравнивается по своему ничтожеству с червем. Истинная «ничтожность» личности обнаруживается у Ивана Жоха. Другой возможный ход размышлений писателя связан с мотивом наказания героя за ослушание, за несправедность дел, с выражением презрения и отвращения к нему, поскольку червь служит образом вечной смерти и вечного мучения (Ис. 66: 24).

Пятая глава повествования продолжает тему противопоставления жизни «мнимой», бессмысленной и смутной с «неимоверной жизнью, цветущей уже второй год» [6, с. 78]. Эта новая, настоящая жизнь зародилась в Москве после 1917 года. Через север в районе устья Оби «пять красно-зелёных партизан» решают пробраться в Москву, «к Ленину в соседи». Платонов вновь обращается к мысли о неосознанности своей судьбы героями, заплутавшими в тайге, где «природа не шевелится», а путников окружают «бессмысленные роскошные ландшафты» [6, с. 77]. Обессилевший герой (как это часто бывает у Платонова) находится между жизнью и смертью и мечтает только об одном: «Как, действительно, хорошо перемешаться с сырой старой землёй и застлаться вечным забвением!» [6, с. 78]. Герои оказываются в ситуации, подобной сказочному инициальному переходу, т. е. умиранию в одном качестве и возрождению в другом. Происходящее с ними можно обозначить как обретение себя (=идентификация): «Утром нас так пробрал холод, что мы сразу стали людьми и вспомнили всю свою биографию» [6, с. 78].

В сказочной традиции описан эпизод встречи со стариком «в длинной холстинной рубашке и без порток»; в поэтике легенды изображён «каменный вечный невозможный город» [6, с. 78]. Переправа на лодке, на дно которой поставлены деревянные ведра с сытной пищей, отсылает к похоронному обряду, так же как и «безвозвратное путешествие» к Ледовитому океану. Подобные апелляции к фольклорным универсалиям позволяют автору генерализовать мысль о нереальности, призрачности «надменного и задумчивого» города, напоминающего своей архитектурой ионическую культуру далёкого, давно умершего прошлого. В этом легендарном утопическом мире нет женщин (для Платонова женщина-мать – обязательный элемент мира). В рассказе попутчика-проводника Кузьмы Сорокина, оформленном как вставной эпизод, происходит окончательное развенчание утопической идеи раскольников о «далёкой земле». Вечный Град-на-Дальней реке стал миром «большого достатка и благополучия», «царством покойного богатства и сытой жизни», т. е., по сути, миром мёртвых, а не живых. «Наверно, богатство и было настоящей силой, что влекла сюда

исконных раскольничьих людей? <...> Всё прочее – вера в правильность двуперстного сложения руки, осьмиконечный крест, борода и другое – было так, лишь для признака дружной хозяйственной жизни» [6, с. 81].

Кузьма Сорокин, как и Иван Жох, совершает неправильный выбор, он из тех, кому так и не открылся «всеобщий исторический смысл жизни», – отправляется из Вечного Града «через Архангельск на юг – к генералу Деникину! Драться с красными» [6, с. 81]. Финал жизни Сорокина предопределён: его убил «таманский командир в камере армавирской тюрьмы в 1920 году» [6, с. 82]. С этой смертью завершается линия Ивана Жоха и его потомков, последователей – тех, кто жил ложной идеей стремления к достатку и благополучию, поэтому и не смог достичь истины. Игумен Георгий, посвятивший жизнь философским поискам, всего лишь «случайность, так сказать жемчужина мечты в том царстве покойного богатства и сытой жизни, что вы прозвали вечным

Градом-на-Дальней реке» [6, с. 81]. Можно предположить, что именно Алексей, от лица которого ведётся повествование, должен был стать тем, кому открылось, по Платонову, «коренное изменение своей судьбы».

Думается, что открытый финал рассказа «Иван Жох» обусловлен не столько незавершённостью замысла автора, сколько непреодолимостью задач, которые возникли перед писателем и мыслителем: раскрыть сложные закономерности исторического развития России, выяснить его мотивы и движущие силы. В целом, несмотря на сюжетную открытость платоновского произведения, его вполне можно рассматривать как художественно самодостаточное, идейно и содержательно исчерпанное – в связи с наличием устойчивого образно-смыслового ядра, воплощением актуальных для писателя идей, что проясняется в процессе последовательного филологического анализа художественного текста.

Список литературы

1. Голованов И. А. Мифологическое моделирование образов «народного заступника» и царя в сказочной прозе Урала // Русское литературоведение в новом тысячелетии: материалы I Междунар. науч. конф.: в 2 т. М., 2002. Т. 1. С. 39–48.
2. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1–4. М.: Русский язык, 1989. Т. 1. 699 с.
3. Криничная Н. А. Русская народная историческая проза: Вопросы генезиса и структуры. Л.: Наука, 1987. 228 с.
4. Памятники литературы Древней Руси. Начало русской литературы. XI – начало XII в. / сост. и общ. ред. Д. С. Лихачёва и Л. А. Дмитриева. М.: Худож. литература, 1978. 457 с.
5. Платонов А. Возвращение / предисл. С. Залыгина; коммент. Н. Корниенко. М.: Молодая гвардия, 1989. 207 с.
6. Платонов А. Усомнившийся Макар: рассказы 1920-х годов; стихотворения / вступ. ст. А. Битова. М.: Время, 2009. 656 с.
7. Платонов А. Чутьё правды / сост. В. А. Верин. М.: Сов. Россия, 1990. 462 с.
8. Пушкин А. С. История Пугачёва / вступ. ст. и примеч. В. И. Коровина. М.: Сов. Россия, 1983. 136 с.
9. Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. Т. 1. М.: Русский язык, 1981. 698 с.
10. Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / отв. ред. Н. Ю. Шведова. М.: Азбуковник, 2008. 1175 с.
11. Чистов К. В. Русская народная утопия (генезис и функции социально-утопических легенд). СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. 540 с.

References

1. Golovanov I. A. Mifologicheskoe modelirovanie obrazov «narodnogo zastupnika» i carja v nesказochnoj proze Urala // Russkoe literaturovedenie v novom tysjacheletii: materialy I Mezhdunar. nauch. konf.: v 2 t. M., 2002. T. 1. S. 39–48.
2. Dal' V. I. Tolkovij slovar' zhivogo velikoruskogo jazyka. T. 1–4. M.: Russkij jazyk, 1989. T. 1. 699 s.
3. Krinichnaja N. A. Russkaja narodnaja istoricheskaja proza: Voprosy genezisa i struktury. L.: Nauka, 1987. 228 s.
4. Pamjatniki literatury Drevnej Rusi. Nachalo russkoj literatury. XI – nachalo XII v. / sost. i obshh. red. D. S. Lihachjova i L. A. Dmitrieva. M.: Hudozh. literatura, 1978. 457 s.
5. Platonov A. Vozvrashhenie / predisl. S. Zalygina; komment. N. Kornienko. M.: Molodaja gvardija, 1989. 207 s.
6. Platonov A. Usumnivshijsja Makar: rasskazy 1920-h godov; stihotvorenija / vstup. st. A. Bitova. M.: Vremja, 2009. 656 s.
7. Platonov A. Chut'jo pravdy / sost. V. A. Verin. M.: Sov. Rossija, 1990. 462 s.
8. Pushkin A. S. Istorija Pugachjova / vstup. st. i primech. V. I. Korovina. M.: Sov. Rossija, 1983. 136 s.
9. Slovar' russkogo jazyka: v 4 t. / pod red. A. P. Evgen'evoj. T. 1. M.: Russkij jazyk, 1981. 698 s.
10. Tolkovij slovar' russkogo jazyka s vključeniem svedenij o proishozhdenii slov / отв. red. N. Ju. Shvedova. M.: Azbukovnik, 2008. 1175 s.
11. Chistov K. V. Russkaja narodnaja utopija (genezis i funkcii social'no-utopicheskikh legend). SPb.: Dmitrij Bulanin, 2003. 540 s.

Статья поступила в редакцию 24.10.2012